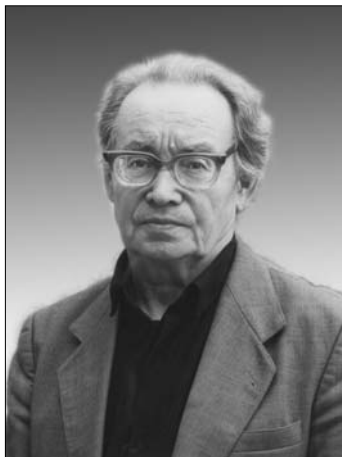

ЯМИЛЬ МУСТАФИН

БАЛАЛАЕЧНИК

РАССКАЗ

Они тянулись друг к другу, как цветы к солнцу. Их не ожесточившиеся сердца еще не знали, что такое любовь. Но они инстинктивно чувствовали новое, незнакомое состояние души, пробуждавшееся, когда оставались вдвоем...

Смерть человека всегда неожиданна, особенно для близких, родных, если этому даже предшествовала тяжёлая, неизлечимая болезнь.

Кончина супруги Шамиля Галиямовича для семьи тоже оказалась неожиданной.

Под утро Тамара Петровна взяла похudevшими пальцами руку мужа и тихо сказала:

— Поговори со мной...

— Может, лекарства какого? — спросил Шамиль Галиямович, поглаживая почти детские пальцы жены.

— Тамара, я сегодня во сне Тайшет видел. Слышишь, Том? Тамара, слышишь? — испуганно спросил муж, чувствуя, как в его ладони холодеют пальцы жены...

МУСТАФИН Ямил Мустафьевич родился в Башкирии в 1927 году. Освоил профессии слесаря, токаря, кузнеца, путейца. Одновременно учился. Отслужил 8 лет в Военно-морских силах в Порт-Артуре. В 1962 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор 23 книг — рассказы, повести, романы, очерки о летчиках-испытателях, строителях БАМа... Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Тамара Петровна ничего так и не успела сказать: как жить дальше в это воровское, бандитское время ему, детям, внуку... Ни наказа не оставила, не успела произнести последнего пожелания. А ведь на ней держался весь дом!

До “золотой” свадьбы, которую она очень хотела отметить, не дожидаясь всего год четыре месяца и восемь дней. Не случайно, наверно, в народе говорят: человек предполагает, а Бог располагает.

Прожила Тамара Петровна с мужем душа в душу, в любви и согласии. Одни им завидовали, другие говорили, что они не выносят “мусор” из дома, третьи считали, что им (Тамаре и Шамилю) еще петух не клонул как следует в одно место, вот они и живут в любви да ладу...

Ошибались люди. Бывали у этой странной для современной жизни пары и пасмурные денёчки. Но они, как правило, через час-другой рассеивались теплым ветром любви, освещались солнечным взаимопониманием, ощущением, что нужны друг другу, обоим не хватает улыбки, пустяшных разговоров и просто нежного взгляда...

Цветы не могут же цвести без солнца! Перебирая после похорон супруги вещи (Шамиль Галлямович не знал, где что лежит, сколько чего — все домашнее хозяйство вела жена), он наткнулся в кожаном чемодане, купленном в 1951 году в Порт-Артуре (Порт-Артур тогда был военно-морской базой СССР, возвращенной России после разгрома Японии в 1945 году) на белый панбархатный сверток. Развернув его, Шамиль Галлямович обомлел: перед ним лежала давным-давно забытая старая балалайка, сыгравшая в его семейном счастье, наверно, не последнюю роль. “Как она попала сюда и столько лет пролежала в чемодане?” — недоумевал вдовец, смотря на столь неожиданную находку. Взял потертый по углам, краям инструмент и увидел под ним пожелтевший от времени, сложенный вдвое тетрадный лист бумаги. Развернул и узнал каллиграфический почерк жены...

Учащенно забилось сердце, затряслись пальцы, задрожали губы, потерявшие былую упругость, на глаза навернулись слезы...

От первых же слов, написанных родным, так хорошо знакомым почерком, ему стало худо...

Шамиль Галлямович взял с тумбочки валокордин, накапал животворящих сорок росинок, налил водички и выпил. Вроде полегчало. Проходя мимо трельяжа, бросил взгляд на зеркало. Пунцовое лицо, заплаканные глаза, седые волосы выдавали возбужденно-нервное состояние овдовевшего Ишкильдинова.

“Мой любимый сибирский башкир! Вот мы и дождались “золотого” юбилея! Нашу “золотую” свадьбу! Вещи, которые я тебе покажу и которые ты забыл, станут для тебя, я думаю, самыми дорогими подарками, потому что знаю тебя с ноября 1941 года. А для дочери и сына они, может быть, тогда покажутся старческой ностальгией по старью. Ладно, проживем — увидим и услышим, что наши детки скажут.

Как балалайка Ильи Ивановича Кургина оказалась у меня в чемодане? Помнишь, когда мы возвращались в пятьдесят четвертом году из Порт-Артура, остановились у твоей мамы. На второй день пришла тетя Полина, вдова Ильи Ивановича. Тебя дома не было — пошел к соседям хвастать своим сыном. Мама еще предупредила тебя, мол, как бы кто-нибудь не сглазил ребенка, он такой спокойный и улыбочивый, как ангелок.

Так вот, тетя Поля тогда спросила, играешь ли ты, как прежде, на балалайке? Я сказала — нет, если бы, говорю, был инструмент, может, и играл бы. Она тут же пошла домой и принесла балалайку Ильи Ивановича. Когда она ушла, я завернула балалайку в оставшийся кусок отреза панбархата, про который, я уверена, ты тоже забыл... Вы, мужчины, вообще существа забывчивые... Мне этот кусок материи дорог тем, что ты за ним поехал аж в Дайрен, когда я сказала о своем желаниишить модное платье... Маму твою я попросила тебе не говорить о балалайке. Сказала, что когда мы будем отмечать “золотую” свадьбу, я достану эти дорогие для меня и тебя, думаю, вещи. Она удивленно посмотрела на меня и сказала: “Ой, доченька, дожить надо до этого, столько еще воды утечет. И балалайка, и бархат забудутся”.

Вот, чтобы не забыть ВСЕ это, я и решила написать. Вроде бы как дневник завела. Откровенно говоря, Шамиль, меня очень растрогала балалайка... Ведь в сорок втором году тебя учил играть на ней сам Кургин! Всё! Пока ты знакомишь соседей, друзей со своим портартурцем, я заверну балалайку в панбархат и спрячу до “золотой” свадьбы. Тогда ты вспомнишь, может, больше меня, как и где мы встретились, как годами переписывались, как ты семь суток ехал в Москву в МИИТ, чтобы встретиться со своей Томулькой... Целую Витю и тебя. До встречи на “ЗОЛОТОЙ” свадьбе. Интересно, как мы будем выглядеть и будем ли так же любить и беречь друг друга? 27 октября, 1954 г. Тайшет”.

Закончив читать, Шамиль Галлямович заплакал навзрыд, словно он только что похоронил супругу...

Апрель в сорок втором году в Тайшете выдался на редкость ранним и теплым. После трескучих морозов весна яростно вступила в свои права. На южных склонах взгорьев солнце недели за полторы слизало снега. Однако ночами склоны покрывались тонким, прозрачным льдом, под которым изумрудно улыбалась проклонувшаяся травка. Но стоило утром солнцу вскарабкаться на вершины колких, островерхих лиственниц на сопках, как залившиеся за ночь взгорья охотно сбрасывали невольничьи накидки, освобождая раннюю поросль из холодного плена...

На берегах своенравной Бирюсы, говорливых речушек Тайшетки и Венгерки вербы усыпались желто-белыми цветами-шмелями. В эту пору они сладки, и детвора охотно сосет их вместо леденцов.

Кормилица Бирюса тяжело просыпалась от долгой зимней спячки. Ночами грозным уханьем разрываемой у берегов ледяной шубы вещала о своей строптивости.

Зима хоть и оказалась стьлой и малоснежной, однако большая семья старой башкирки Ишкильдиновой, тетушки Шамшуры, прозимовала без особых потерь. Овцы дали неплохой приплод, удачно отелилась корова — принесла крепкого, похожего на себя пестрого теленочка — будущую, как надеялась хозяйка, молошницу.

Все бы ничего — жить можно. Да вот тетушка Шамшура потеряла покой. Ее сердце растревожило странное поведение младшенького, оставшегося в семье за старшего. Трое старших сыновей были призваны в армию в первые же дни нападения Гитлера на СССР. Шесть внуков мал мала меньше еще не мужчины. За каждым нужен глаз да глаз.

С приходом весны Шамиль повел себя до странности чудно, непонятно. В душу матери заскакала тревога. Сын взял за привычку, придя из школы, насечь перекусив тем, что есть на столе, взбираться на крышу избы с балалайкой соседа Ильи Ивановича Кургина и горланить оттуда на всю улицу песни, которые частенько напевал хозяин балалайки.

Кургин был классным балалаечником. На олимпиадах в Иркутске всегда занимал первые места. Равных ему в области не было.

Тетушка Шамшура изумлялась — сосед уж как знаменит в области, однако вот не залазит, как ее последыш, на крышу и не чудит оттуда, играя, на балалайке, не горланит песни. А мог бы! Но Илья Иванович открывал окно, выходящее на улицу, усаживался под лопушистым огромным фикусом, брал балалайку и пел негромко, душевно, чувственно. Послушать Кургина собирались соседи. Бывало, когда они просили Илью Ивановича выйти на лавочку и попеть их любимые песни, он не отказывался, не ломался, хотя знал себе цену. Кургин читил просьбу соседей, уважал их.

Он неторопливо облачался в голубую сатиновую, с множеством перламутровых пуговиц косоворотку, подпоясывался шелковым с кисточками на концах белым шнуром. Надевал модно скрипучие хромовые сапожки. Слегка выющиеся белокурые волосы чуть-чуть поливал тройным одеколоном. Звучную балалайку брал под мышку, осторожно придерживая за гриф, любовно поглаживал корпус.

Из калитки Илья Иванович выходил чинно, с достоинством, но без самолюбования. Небесной синевы, как у жены, глаза светились глубинной радостью — он нужен соседям, они ждут его! Опустившись на лавочку, он долго прилаживал на коленях балалайку — находил самое удобное положение, склонял красивую голову к грифу инструмента, раза два проводил большим пальцем по струнам, прислушивался, как они звучат. И только после начинал волшебным колдовать над своей невзрачной на вид трехстрункой.

Кутившие тут же притоптывали самокрутки из крепчайшего самосада, женщины прекращали балаболить, смирили, словно голубки под сизарём с томными, посоловевшими, в оранжевом ободке глазами.

Илья Иванович пел негромко, но так, что за душу брало любого. Могло показаться, что он убаюкивает дите малое.

А неказистая балалайка в руках Кургина тоже оживала, издавала мелодии под стать хозяину. Струны то переливались, подобно птичьему гаму весной, то родниками журчали по камням суровых Саян, где берет свое начало баловница Енисея Бирюса, то звучали таинственным шепотом тающих снегов...

Вот такой странно-славный сосед учил всю зиму поскребыша тетушки Шамшуры Шамяля играть на балалайке.

Старая башкирка еще боялась за дорогой инструмент — вдруг сын уронит балалайку, которую сосед холил, как свою жену-красавицу Полину. Тогда никаких денег не хватит расплатиться. Впору корову продавать. А она надежная кормилица...

Своей тревогой тетушка Шамшура поделилась с Полиной. Не свихнулся ли ее последыш? О какой-то красотке поет, которая живет в тереме, а не в избе, у крыльца сторож караулит ее, а какой-то джигит темную ночь ждет, чтоб украсть красавицу. Конокрад, что ли, что о тройке мечтает? Начнет с песни, а там, глядишь, и до греха недалеко. Были бы старшие братья дома, голова б не болела.

Шебутная Полина как могла успокаивала соседку, мол, подрастет — образумится. Бояться за Шамяля не стоит. Возраст такой, да и бойкий малец.

Он сейчас похож на весеннего стригунка: чует запах любви, слышит ее голос, видит, а как подступиться, совладать со своими желаниями, чувствами — не знает.

Полина внутренне засмеялась своим мыслям, но, видно, не сумела скрыть шалость. Тетушка Шамшура недовольно посмотрела на нее.

— Так-то оно, может, и так, соседка, — грустно ответила старая башкирка и стежкой повела свою печаль-тревогу. — Песни, конечно, пуцай поет. Однако зачем такие? Пел бы пионерские. Вот про барабанщика. Или жалостную про Орленка. Но на кой ляд на крышу взбираться? Крыша старая, замшелая, склизкая. Сорвется — шею свернет. А потом, Полина, перед соседями стыдоба! Что могут они подумать? Мальчишка остался за хозяина. Делов сколько! А он как петух какой, прости меня Аллаха, почти каждый день заладил на крыше на балалайке тренькать? В голову не возьму, как твой Илья такую дорогую вещь доверил ему?!

— Понимаю, понимаю, тетушка Шамшура, твою печаль, — с трудно скрываемой иронией сказала Полина и скрестила красивые руки под пышной грудью. — То-то он всю зиму к Илюшеньке повадился: научи да научи, дядя Илья, на балалайке играть... — и вкрадчиво-озорно заметила: — А не для соседки ли москвички он оттуда играет? Петух ведь тоже на оплот взлетает, чтоб куры видели его достоинства, и оттуда кукарекает на всю округу? А?

— Тю, скажешь тоже! Тебе все б шутить... — отмахнулась старая башкирка, и ее смуглое лицо помрачнело. — Годков-то ему всего пятнадцать!

— А что, девочка она славненькая, словно ягодка спелая, — гнула свое Полина. — Скромная. Хоть и москвичка, а здоровается завсегда. — Грудной смех выдал шаловливое настроение молодой женщины.

— Что ты балаболишь? Погоди-погоди, посмотрю, каким голосом запоешь, когда твои “три танкиста” (у Кургиных было три сына-погодка, и ро-

дители мечтали, что, как только они достигнут призывного возраста, Илья Иванович самолично напишет письмо товарищу Ворошилову, чтобы сыновья служили в одном экипаже) вырастут и начнут девчат обхаживать! Ночами у калитки будешь ждать, глаз не сомкнешь.

— Не обижайтесь, тетушка Шамшура, я над своими мыслями смешилась. А с Илюшей я поговорю. Уж он-то отучит мальчика лазать по крышам и петь отгудова негожие песни. — Опять голубые глаза Полины засверкали незабудками, окропленными утренней росой.

— Хорошо б, милая, если б так, — с надеждой ответила тетушка Шамшура. — Сама понимаешь, говоришь, он еще стригунок...

События заключались в том, что в ноябре 1941 года в Тайшете появились первые семьи эвакуированных, которых надо было обустроить — найти жилье, работу (в основном это была интеллигенция), прикрепить к карточной системе, детей обеспечить учебной... Вся эта сложная, многоступенчатая организационная работа легла на плечи партийных, советских и профсоюзных работников, активистов-общественников. Дыхание войны достигло и Тайшета, хотя война гремела в четырех тысячах километров...

Приближался конец первой четверти. Морозы крепчали с каждым днем.

Ночами перестреливались лопавшиеся от стужи деревья. Днем детвора подбирала окоченевших воробьев. Городишко словно вымер. На улицах не было видно даже собак.

В один из таких дней к соседям Ишкильдиновой тетушки Шамшуры вселились эвакуированные москвичи. Молва об этом в тот же день дошла до 7-го "А". Говорили, что видели девочку в сером пальто с каракулевым воротником и вязаной красной шапочке. Девочки утверждали, будто бы москвичка будет учиться в их классе. Мальчишкам же было не до какой-то девчонки в красной шапочке. Вот если бы вместо нее парнишка приехал! Это уж совсем иное дело! С ним было бы о чем поговорить.

В 7-м "А" учился харьковчанин Андрей Смолин. Но он почему-то не прижился среди добродушно-доверчивых наивных сибиряков. Может, потому, что его отец был начальником одного из многочисленных лагерей, и жил он в двухэтажном доме, построенном для начсостава ТашЛага, и привозили его в школу в кошевке, укрытым медвежьей шубой. Да и одеждой он отличался. Темно-синий шевиотовый пиджак, голубая рубашка и галстук, как у взрослых, сразу ошарашили всех. Рыжие волосы уложены как у артиста. Такого киношного пацана сибиряки никогда не видели.

Девочки аж обомлели.

На ногах хромовые сапоги. И это в мороз за сорок! Уж потом ребята узнали, что они утеплены изнутри. А учительница по литературе Прасковья Филипповна, класный руководитель, посадила Смолина перед Шамилем Ишкильдиновым. Будто нарочно, чтобы он видел, как красиво Смолин подстрижен, не то что он — под машинку!

С приходом в класс Андрея девочки стали вести себя как-то странно: если до появления харьковчанина они носились на переменах наравне с мальчишками, то теперь стояли грушками и секретничали, таинственно посмеиваясь над чем-то. Единственно верной мальчишеско-девчоночьей дружбе осталась длинноногая Галя Минина. Она нравилась мальчишкам веселостью, хорошо училась, на контрольных работах подсаживала каждому, за что учителя недолюбливали ее. Галя лихо боролась с ребятами, если надо было заступиться за кого-нибудь, она могла и затрещину дать. Среди ребят она была своей.

Однажды Галя на перемене подошла к Смолину и насмешливо сказала:

— Ты всё возле девочек пасешься, Андрей, давай поборемся с тобой! — и вцепилась в плечи Смолина.

— О! да тут у тебя кило ваты! А девочки-то думали, что это мускулы! Ну, померимся силой? — вызывающе улыбалась Минина белоснежными зубами.

— Значит, побороться желаешь? — процедил сквозь зубы Андрей, схватил девочку за шею, сделал подножку и повалил ее на пол. — Ну, "киловатный", да-а? Получила?

— Не по правилам!

— Ты подножку сделал!

— За это морду бьют! — кричали ребята, подступив к Андрею.

— Она сама... Она первая... — пугливо бубнил Смолин.

— Ну, девчоночий пастух, сделай мне подножку! — встал перед Андреем Шамиль. — Я тебя сейчас на калган приму! Тогда быстро поймешь, как девчонок обижать. Делай подножку! Делай! — петушился Шамиль.

— Оставь его. Я вправду думала — он мальчишка, — сказала Галя, с трудом сдерживая слезы, опустила плечики и, жалкая, ушла в класс.

Если бы не звонок на урок, неизвестно, чем бы закончилась перепалка между Андреем и Шамилем.

Класс гудел, как встревоженный улей. Готовясь к уроку, семиклассники бурно обсуждали конфликт между Андреем и Галей.

Андрей достал командирский кожаный планшет, фарфоровую непроливашку (у всех были простые — стеклянные) и вдруг замер. Привстал и стал прислушиваться, повернувшись ухом к приоткрытой двери. Шамиль заметил странное поведение Смолина и тоже напряг слух. Уловил ритмичный постук чьих-то каблучков. По стуку каблучков школьники узнавали, что приехал из Иркутска или Нижнеудинска кто-то из проверяющих. Учителя зимой все ходили в школу в валенках.

— Ша, проверяющий приехал... — просигналил Шамиль. Класс замер, и тридцать пар глаз вглядывались в приоткрытую дверь.

Наконец дверь распахнулась, и вошла Прасковья Филипповна. Как всегда, она была в валенках, прошла к столу и не бросила, как обычно, классный журнал на стол. На ее аскетическом лице отсутствовала строгость. И привычно не спросила: “Итак, дети, кто скажет, что было задано на дом?” Вместо этого учительница обернулась к двери и мягко позвала:

— Тамара, входи. Дети, у нас новенькая — Тамара Макарова. Москвичка, — подчеркнула она. Класс снова услышал постук каблучков. Но теперь робкий, замедленный.

В класс вошла девочка в салатовом, с вышитым бисером воротничком, платьице. Каштановые волосы локонами ниспадали на узкие плечики. Но, пожалуй, больше всего поразили девочек и мальчишек коричневые на полувысоких каблучках туфельки.

Зимой, в такую стужу и в туфельках! Сибиряки в те годы не могли представить, что можно прийти в школу в валенках и переобуться в туфли.

— Куда же тебя, Тамара, посадить? — размышляла вслух учительница, пристально всматриваясь в учеников, вперивших глаза в новенькую.

И тут что-то произошло с Шамилем. Лицо его запылало. Он не мог понять, что творится с ним. Ему казалось, что он оглох. Парнишка никого не видел, кроме вошедшей девочки, которая растерянно-настороженно разглядывала тридцать пестро-схожих сверстников.

Так глохнут и ничего не видят глухари, влюбленно взирая с вершины сухостоя на свою избранницу, которая минорно клекочет, подкудахчивает на алмазно сверкающем под мартовским солнцем снегу. Счастлива судьба краснобрового с переливающимся сизо-аспидным оперением глухаря, если поблизости не затаился охотник.

Шамиль готов был крикнуть: “Прасковья Филипповна, уж сколько дней я сижу один! Посадите новенькую за мою парту! Ведь больше нет свободного места!” Шамиль не был паинькой. Но в этот раз язык его окостенел, сам он смотрел на учительницу собачьими глазами, весь горел, дрожал, словно одинокий осенний лист... Вскakiвал и опять садился. Поднимал руку и снова опускал. Наконец, Прасковья Филипповна узрела странное поведение Ишкильдинова и резко бросила:

— Не набегался, что ли?

— Набегался... Я один сижу... — Голос мальчишки был заискивающим, жалким.

— Может, ты хочешь сказать, чтобы новенькую к тебе посадить? — подсакала учительница.

— Ага... — с надеждой тихо ответил Шамиль.

Прасковья Филипповна как-то странно качнула головой, то ли кивнула одобрительно. Мальчишке показалось, что она вяла его словам. Осмелев, Шамиль выпалил:

— Я уступлю новенькой место у окна! Отсюда виден школьный двор и все, что там происходит. Если чуток привстать, Прасковья Филипповна, вытянуть шею, то можно увидеть за забором улицу, прохожих...

Кто-то из ребят хохотнул, и тут же учительница оборвала красноречие Шамиля.

— Садись! Вот и видно, что все время смотришь в окно.

Тут уж весь класс покатился со смеху. И только новенькая испуганно и с жалостью разглядывала Шамиля.

— Повеселились, и будет! — одернула класс учительница и продолжала размышлять вслух: — Куда же, Тамара, тебя посадить? Так, Галя Минина временно сидит одна. Брюханова поправится — сядет к Шамилю. Тамара, садись к Мининой на четвертую парту. Она девочка хорошая. Хорошо учится. Надеюсь — подружитесь.

Москвичка снова зацокала каблучками по полу, направляясь к улыбающейся Мининой. Шамиль лег на парту, положил голову на руки и с трудом сдерживал накотившиеся на глаза слезы. Так обидно и больно мальчишке еще никогда не было...

Как проходила дальше урок, что говорила учительница, как отвечали ребята, Шамиль не слышал. Себя он считал самым несчастным, несправедливо обиженным человеком.

И все же судьба благоволила Шамилю. Москвичка оказалась его соседкой!

И в отличие от других ребят он имел возможность первым видеть девочку каждый день! Москвичей поселили в большом доме Коноваловых напротив избы Ишкильдиновых. Зная, когда Тамара идет в школу, Шамиль опережал ее и, выскочив за ворота, стерег, пока она не появится. Девочка всегда долго громыхала застывшей за ночь тяжелой калиткой, звенела железным кольцом от щеколды.

Плотный, сине-дымчатый рассвет укрывал его. Дождавшись, пока девочка отойдет немного от дома, он крадучись следовал за ней. Сохраняя расстояние метров в двадцать, мальчишка робко шел по занесенной за ночь снегом дорожке до самой школы и боялся, как бы девочка не обернулась. Шамиль очень хотел, чтобы кто-то попытался обидеть москвичку, или она испугалась бы бродячей собаки — и тут он встал бы на ее защиту! Жизни бы не пожалел! Но в такие лютые морозы собаки даже носа не высовывали из своих будок, хулиганы тоже не появлялись...

И все же однажды ему очень повезло. Можно сказать, счастье улыбнулось. Как всегда, Шамиль вышел за ворота раньше Тамары. Он позволил Дамке — рыжей лайке — лизнуть себя в лицо, лишь бы она не лаяла и не испугала девочку. Вжавшись в заплот, мальчишка стал ждать звякания кованого кольца калитки, заставлявшего трепетать его маленькое, чуткое сердце.

Умиротворенная стынь царственно распростерла холодную длань над просыпающимся городком. Белесые дымы печных труб величаво подпирали мраморными колоннами звездное небо. Шамиль до боли в ушах напряг слух в ожидании дивно милого скрипа калитки и бряцания железного кольца. В эти мгновения ему казалось — он слышит, как осторожно плывущая по небу луна боком трется о тучи...

Наконец, чудесно, красиво заскрипела тяжелая калитка, звякнули щеколда и кольцо. Девочка в красной шапочке пыталась закрыть калитку, но тщетно.

С немалым усилием поборов робость, Шамиль осмелился подойти к соседке и помочь ей. Заикасто ворочая внезапно оледеневшим языком, он промолвил:

— Д-д-дай п-помогу...

— Ой! Как напугал! Я даже не слышала, как ты подошел, — не скрывая испуга, сказала москвичка.

— А то! Грохочешь на всю улку.

— Калитка не закрывается...

— Вижу... — не решаясь смотреть Тамаре в глаза, промямлил мальчишка. — Сейчас мы это дело быстро уладим, — подражая Илье Ивановичу, солидно сказал Шамиль. — Чуешь, какая стынь? За ночь солидол на железках прихватило морозом. Вот калитка и не закрывается плотно. Поняла?

— Поняла...

От счастья, что москвичка слушает его и соглашается, а вокруг никого, парнишка готов был запеть, сердце клокотало где-то возле горла.

Шамиль привычно несколько раз поднял и опустил щеколду со стороны двора и не свойственным ему голосом сказал:

— Тамара, теперь попробуй сама, как я, закрыть калитку, но сильно. Калитку двумя руками крепко тяни на себя. — Осмелел и попросил портфель: — Дай я подержу.

Девочка протянула портфель. Мальчишка взял осторожно, как дорогую вещь. Девочка двумя руками вцепилась в кольцо и резко потянула калитку на себя. Калитка глухо захлопнулась, звякнула щеколда, плотно сев в гнездо.

— Ой! Оказывается, совсем легко! — радостно засияли черные, словно спелые черемушки на берегах Бирюсы, подернутые брызгами таежной бегуны, глаза.

— А то! — не менее радостно ответил Шамиль, чувствуя, как предательски пламенеют его щеки. Так близко он еще ни разу не видел лица соседки и не мог позволить себе вот так свободно разговаривать с ней.

Тамара еще что-то ему говорила, спрашивала, но мальчишка уже ничего не слышал, не замечал, как в улыбке расплываются его губы.

До школы ходьбы было минут десять. Узкая, еще не утоптанная дорожка вынуждала их идти плечом к плечу, что пугало и одновременно радовало Шамиля. Время от времени они украдкой обменивались взглядами, улыбались каждый своим мыслям. Душа мальчишки ликовала. Ему необычайно хорошо и легко было идти рядом со своей соседкой, к которой в школе он боялся даже приблизиться, сторонился ее. Шамилю хотелось смеяться, кричать от счастья. Арбузный запах выбившихся из-под красной шапочки волос, припорошенных инеем, туманил Шамилю глаза, пьянил сознание. Такое состояние мальчишка испытывал впервые и не мог понять, что же это такое, что с ним творится.

Чтобы как-то нарушить затянувшееся молчание, Шамиль неуверенно сказал:

— Портфель у тебя тяжелый. Дай понесу...

— Если хочешь, возьми. Он еще не тяжелый — некоторые учебники сегодня я не взяла. — Девочка протянула портфель Шамилю, радостно посмотрела на него и трогательно, заботливо, словно старшая, заявила: — Уши отморозишь. Дай наушники опущу. — Тамара развязала тесемки на шапке, опустила наушники. — Вот теперь никакой мороз твоих ушей не достанет! И добавила: — Ой, какой же ты смешной!

— Разве это мороз! — хорохорился мальчишка. — Вот в прошлом году был мороз так мороз! Поезда стояли — в бусах смазка замерзала.

Оставшиеся до школы метры москвичка и сибиряк старались идти, как сговорившись, медленней. Они молчали. Только их неогрубевшие и чистые души, как таежные родники, перекликались им одним понятными и доступными чувствами.

— Дай портфель, — потухшим голосом попросила Тамара. Шамиль сразу сник и нехотя протянул тяжелый портфель. Их руки соприкоснулись и на миг задержались.

— Домой тоже вместе пойдем? — храбро ляпнул мальчишка.

— Не знаю... — опустила голову в красной шапочке девочка и зашагала впереди. Следом квёло плелся Шамиль.

Это стылое, жгуче-морозное утро стало для двух юных и непорочных сердец путеводной звездой в их судьбе, в их жизни. Теперь Шамиль каждое утро стоял у ворот Тамары и ждал, когда, радуя сердце, скрипнет калитка Коноваловых.

Пока утренние сумерки были густы и тяжелы, как туманы в таежных падах, и на улице не появлялась ни одна живая душа, Тамара и Шамиль шли, взявшись за руки. Радовались тому, что никто не видел их застывшие от мороза пальцы. Портфель теперь всегда нес осторожно, будто корону принцессы, Шамиль. Мальчишка чувствовал, как нежные пальцы девочки замирали, попав в его ладонь, словно пичуги в тенетах.

— Не замерзли пальцы? — спрашивал мальчишка.

— Не-е, — улыбаясь, мотала головкой девочка и, широко распахнув счастливые глаза, спрашивала: — А твои?

— У меня руки никогда не мерзнут, — хвастался Шамиль, чему девочка искренне верила. Однажды он спросил Тамару:

— Тебе хорошо так идти?

Девочка šťastливо посмотрела на верного “пажа”. Она, видно, ожидала подобного вопроса. Бездонно черные глаза замерцали в туманно-стылых сумерках, пальчики нежно-бегло засуетились в ладони Шамиля.

— Почему у тебя мозоли на ладонях? — чтобы не молчать, спросила Тамара.

— Попробуй поколи дрова, почисти стайку, покидай снег лопатой... Они жесткие, да? — настороженно спросил в свою очередь мальчишка.

— Что ты! Я просто так спросила.

— Вот бы так всю жизнь вместе... — сказал Шамиль.

— Хорошо бы, — согласилась Тамара, и опять ее пальчики замерли в его ладони.

Что это было? Голос судьбы? Зов Адама и Евы? Или божественный дар, редкий, отпущенный Всевышним двум юным сердцам в эти тяжкие испытания, доставшиеся им в лихолетье войны, чтобы поддержать их неокрепшие души?

Шамиль стал примечать, что на переменах Смолин прямо-таки пивкой держится возле Тамары. Бесцеремонно перебивает разговор подруг, рассказывает, в каких городах он жил, сколько лет занимался музыкой в Харькове, а в Тайшете вынужден отвыкать от игры на пианино — нет музыкальной школы; заводил разговор про артистов... Однажды приволок из 7 “Б” своих друзей Симу Безброша и Аллу Черкасскую, чьи родители тоже работали какими-то начальниками в ТашЛаге. Эта пара сразу стала рассказывать про Москву, метро, цирк, парк культуры имени А. М. Горького...

Растерянная Макарова молчала, а ее подруга Галя, сжимая кулачки, зыркала на “святую” троицу рысьими глазами так, что, казалось, вот-вот вцепится в кого-нибудь. Наконец, не выдержала и, прикрыв собой Тамару, заявила:

— Я ни к тебе, ни к твоим друзьям не лезу и не вмешиваюсь в ваши разговоры. Так?

— Ну и что? — усмехнулся Смолин.

— А вот что, эвакуированный, — поддела Минина, — если ты еще раз подойдешь к нам со своей оравой, я тебе выцарапаю глаза!

— Забыла, борец Бамбулла, как я тебя швырнул на пол? — под одобряющий смех друзей напомнил Смолин давний конфликт, когда он сделал подножку.

— Уйди, или я и вправду твои гляделки выковыряю! — подступила Галя к Андрею.

— Смолин, ты не прав, — вышла из-за спины подруги Тамара. — Мы разговариваем с подругой, а ты всякий раз встречаешь в разговор. Это же неприлично. А потом, почему ты обзываешь мою подругу? Кто тебе позволил?

— Тоже нашла подругу! — бросил Смолин.

— Как ты можешь так говорить? — зарделась Макарова.

— Почему же не могу? Могу...

— Ну-ка отвали, Андрей, — сжав кулаки, подошел Шамиль. — Тот раз я тебя не отметелил, звонок на урок помешал. Сейчас могу разделать так, что твои друзья не узнают...

— Ишкильдинов! — почти враз крикнули Галя и Тамара. — Ты же не хулиган уличный!

После этого случая Андрей стал реже подходить к подругам и больше ошивался возле 7 “Б”.

На школьный вечер, посвященный ноябрьским праздникам, приехала в почти игрушечной кошевке мать Андрея Смолина. На облучке сидел в белом армейском полущубке кучер-зэк.

В те годы в Тайшете родители никогда не приходили на школьные вечера. Они хоть и не имели высшего образования, однако знали, что их присутствие будет сковывать детей, и поведут они себя не так, как хотели бы. То есть демократия была первородной, изначальной.

Плоскозадая, в бархатном платье женщина с копной рыжих волос на голове без всякого приглашения сразу уселась возле директора школы. Это место всегда занимала завуч школы Софья Владимировна...

Ия Соломоновна что-то без конца тараторила директору. Часто упоминала имя сына.

— Сегодня выступает ваш Андрей. Говорят, очень активный ученик, — сказал директор.

— А я и не знала! — сделала удавленную мину Смолина. — Он у меня такой скромный! Если бы я не приехала, то, уверяю вас, я б не узнала о его выступлении. Как я удачно приехала! Папочке скажу нашему. Пусть порадуются...

— Да-да... Вон Андрей уже готовится к выступлению, послушаем, — осадил вежливо гостью директор.

Андрей поднялся на приступок, изображающий сцену, и закартавил:

— Стихотворение Владимира Маяковского “Стихи о советском паспорте”.

Когда дошел до слов: “Я достаю из широких штанин...” — он и вправду достал из кармана брюк настоящий паспорт и потряс им над головой, чем буквально сразил школьников. Аплодировали ему громко и долго. Его друзья Сима и Алла визжали непривычное для сибиряков “браво! браво!”.

Ия Соломоновна, раскрасневшаяся от счастья, как вареная свекла, что-то говорила директору, кивая на сына. И вдруг она встала и очень серьезно и громко объявила:

— А сейчас Андрей исполнит на пианино любимую песню нашего великого вождя товарища Сталина “Сулико”.

Еще не затихли последние звуки грустной мелодии, как друзья Андрея снова завопили: “Браво! браво!”

Потом Смолин лихо играл фокстроты, вальсы, девочки танцевали с девочками, а мальчишки-неумехи грустно стояли у стен и не без зависти глядели на Симу Безброш, который без усталости танцевал то с одной девочкой, то с другой. Подошел к Тамаре.

— Я с ней танцую, — отрубил Галя. И повела подругу, часто наступая ей на ногу...

После того вечера Шамиль твердо решил восполнить пробел в своем музыкальном образовании. Он убедился, с каким трепетом и вниманием теперь девочки заговаривали с Андреем. Некоторые даже предлагали устраивать вечера танцев, мол, ходить в Рабочий клуб возле станции не всегда удобно.

Парнишка искренне сожалел, что до войны не научился играть на двухрядке или мандолине. О скрипке и помышлять не мог — на ней играл только один брат, средний — Фаузи. А ведь сколько раз братья пытались научить его игре на гармошке. Гармошек у них было три: двухрядка, тальянка с колокольчиками и маленькая, в ладони умещалась у старшего брата красавца Ханафия, концертная. А он, дурень, отнекивался, дело доходило до слез. И тогда братья махнули на него рукой — пусть читает свои сказки и на облака смотрит, как Иванушка-дурачок.

— Что ж ты у меня, утеночек, такой неслух? — не скрывая обиды, спрашивала мать. — Соседи вон и те спрашивают, не медведь ли тебе на ухо наступил? А как было бы славно: вырос бы и девушкам играл на гармошке. Они гармонистов любят. Эх, мал еще, головка сказками полна...

Догадываясь, куда клонит мать, Шамиль зло и чуть не плача бросал:

— Все равно не женюсь! Никогда!

— Конечно-конечно, утеночек мой! Никогда ты не женишься. Да я и сама тебя никому не отдам. Как же я без тебя останусь? — гладила мать шершавой от тяжкой работы рукой ежисто-колючую голову сына.

Для Шамиля эти руки всегда были самыми нежными, самыми добрыми, успокаивающе-ласкающими. Парнишка был уверен, что никогда никакие руки не заменят рук его мудро-терпеливой мамы...

“Послушал бы тогда маму, сейчас бы наяривал на школьных вечерах! Танцевать научился бы!” — с сожалением думал Шамиль и, поборов отвращение к музыкальным инструментам, надумал научиться играть на балалайке, на которой всего-то три струны, а не то что почти сотня клавишей у двухрядки!

Поборов гордыню, загнав робость подальше в душу, раздухарившись, Шамиль пошел к соседу Илье Ивановичу Кургину — лучшему балалаечнику в Иркутской области. “ Попрошу как следует, может, и не откажет”, — неуверенно думал мальчишка. Больно уж он ни в чем не хотел уступать задавке — возгордившемуся после вечера Смолину. Пусть у него сапоги на меху, костюмчик — пальчики оближешь, планшет командирский, кожаный, в школу на кошевке привозят, на пианино дринькает... А вот он как научится играть на балалайке дяди Ильи, его любимые песни выучит, тогда посмотрим еще...

В руках Ильи Ивановича простенький на вид инструмент плакал, стонал, заливался соловьем, а то веселым таежным родником радовал сердца слушателей. Когда дядя Илья бывал в ударе и пел мягким голосом душевные песни, женщины не могли сдерживать слез. Склонившись над балалайкой, почти касаясь левым ухом струн, словно прислушивался к их звучанию — не фальшивят ли, он как бы изливал им свою душу. А уж коли наяривал плясовые — “Сербиянку” или “Барыню”, балалайка выделяла в руках Кургина такие фортели, что соседи диву давались, как инструмент не выпадет из его рук! Сам Илья Иванович смотрит на пляшущих красавцем-селезнем, голова откинута назад, из-под кепки-шестиглинка кудрявятся русые волосы, голубые глаза полуприкрыты...

Шамилю особенно нравились песни “Живет моя отрада” и “Окрасился месяц багрянцем”. В них было столько печали и молодецкой любви, ненасытной волошки-колдуны, что они пронзали душу не только русским, но не оставляли равнодушными ни соседа башкиренка, ни его строгую мать.

В хорошем настроении Илья Иванович такие ядреные частушки отчебучивал, что от топота десятков ног трава-мурава за какие-нибудь часа полтора вытаптывалась до суглинка. После Полина незлобиво, больше по привычке, оставляла за собой последнее слово:

— Соседи поплясали, попели и разошлись. А твоя женушка, Илюшенька, теперь целый месяц окно на улицу не открывай — пылища! Нет бы в другом месте топотать, так нет, все сюда, будто мой муженек медом намазан! — звонко смеялась Полина. Потом, нежно обняв муженька за шею, мурлыкала, подобно ласкаемой кошке, но так, чтоб женщины и девочки слышали: — Дети, Илюшенька, давно уснули... В избу пойдём аль на сеновал? — И вызывающе, с усмешечкой поглядывала на соседок, мол, ну и как, подружки-товарки, чей он?

— Аль на сеновал! — сдержанно смеялся Кургин и пытался обнять жену за талию.

— Угомонись... Люди ж... Успеешь еще, — кокетничала Полина. А у самой от счастья глаза фосфористо-шало сверкали, словно небесные звездочки перед рассветом.

Будучи невольным свидетелем таких разговоров соседей, Шамиль ломал голову и недоумевал: “И зачем дядя Илья согласился идти на сеновал? Там колко! Комары въедливые! А ему рано на работу...”

Вот к такому человеку Ишкильдинов напросился в ученики.

Просьбой соседского мальчишки Илья Иванович был озадачен.

— Сосед, зачем тебе балалайка? — спросил Кургин Шамиля. — У нас столько инструментов — играй не хочу! На балалайке играть, паря, не гвоз-

ди забивать! У братейников-то че не учился? Музыка — душа человека! Она может и слезу прошибить, и радость дать.

— Знаю, — промямлил Шамиль. — Мне, дядя Илья, хочется играть, как вы... Чтоб тоже за душу и слезу... А гармошка, мандолина ничего, конечно, но за душу ни-ни! — хитрил мальчишка. — На гармошке всяк может... Балалайка — это инструмент! Всего три струны, а поет как? — льстил парнишка.

— Ладно, убедил, сосед, — усмехнулся Илья Иванович. — Придется, паря, учить тебя. Мои сынки еще не подростки...

Вошла как всегда энергичная, радостно-довольная, раздумывавшаяся хозяйка.

— Смену, Илюшенька, будешь себе готовить? — озорно спросила Полина.

— Сама видишь...

— Не завидую, сосед, будущей твоей жене! — прищурила шало-васильковые глаза Полина. — Влюбился, что ли, в кого?

Шамиля вмиг прошибло потом, и он покраснел до корней волос.

— Ну ты даешь, Полина! Он же еще малец.

— В мае пятнадцать... — вякнул будущий балалаечник.

— Видишь, Илюша, скоро пятнадцать соседу! — еще раз обдала Полина насмешливым взглядом Шамиля и пошла к расчумевшимся сыновьям.

Илья Иванович начал обучение парнишки с самых простых вещей: что балалайка состоит из корпуса, грифа, который кончается колками. Гриф разделен металлическими порожками, промежутки между ними...

Выносливо-терпеливо учил Кургин соседа, как правильно ставить на лад пальцы, как свободно и без напряжения работать кистью правой руки... Глядя на неуклюжесть, скованность пальцев ученика, Илья Иванович не особенно обнадеживающе заключил:

— Гляжу, паря, нам с тобой придется крепко попотеть, если хочешь хоть немного научиться. И в кого ты такой тупоухий удался? Братейники — музыканты от Бога, а ты? Может, бросим?

— Не-е! Дядя Илья, мне надо хотя бы несколько песен выучить, — умоляюще сказал Шамиль. — Мне надо! Понимаете?

— Чего ж не понять! Раз надо, значит, надо, — пряча улыбку, говорил Кургин. — Две-три песни осилим. А там как Бог даст.

— Я буду, дядя Илья, стараться, честное слово.

— Разве что...

Недели через полторы Шамиль уже извлекал из балалайки звуки, отдаленно напоминающие мелодии полубившихся ему песен. Инструмент держался в руке уже уверенней, привычней. Мальчишка был счастлив безмерно, когда Илья Иванович скуповато похвалил: “Молодца, паря! Кое-что получается”. От неумной радости Шамиль размечтался, как с наступлением весны, когда крыша избы освободится от снега, он взберется на нее с балалайкой и станет там играть и петь. Пусть знают теперь соседи, как “медведь ему на ухо наступил”! И только одна Тамара догадается, что он играет на знаменитой балалайке дяди Ильи и поет для нее. Вот удивится! Обязательно спросит, почему она раньше не знала, что он на балалайке играет и какие душевные песни поет.

8 марта 1942 года в школе произошло еще одно немаловажное для семиклассников событие. Как обычно, к международному женскому празднику мальчишки готовили подарки для учителей, девочек. Писали стихи, рисовали различные пейзажи — больше цветы, из картона выклеивали смешные, веселые игрушки и поименно дарили виновницам этого большого праздника.

Прозвенел звонок на последний урок. Ученики 7 “А” уселись за парты и как никогда благовоспитанно ждали появления Прасковьи Филипповны, чтобы поздравить ее и девочек, раздать подарки, почитать стихи собственноручно сочинения...

Наконец открылась дверь, и на изумление всем с живыми цветами в руке вошла... сияющая мама Андрея. За ней появились Прасковья Филиппов-

на и Смолин. Он тоже держал живые цветы! И это в Сибири, когда еще ночами морозы за тридцать, сугробы холмятся вдоль заплотов.

— Дорогие дети, — картавя, почему-то первой начала говорить Смолина. — В этот замечательный Международный женский праздник я приехала специально, чтобы поздравить дорогую вашу учительницу Прасковью Филипповну и, конечно, всех девочек. Я дарю этот скромный букет, желаю здоровья, счастья и чтобы вы, дети, никогда не огорчали свою учительницу! Поаплодируем, дети! — И Смолина, как давнюю знакомую, поцеловала Прасковью Филипповну.

Так вольно, фамильярно в Тайшете с учителями никто не обращался. Семиклассники захлопали вразнобой, неуверенно.

— А кому же Андриуша вручит цветы? — Ия Соломоновна кокетливо-игриво оглядела девочек, пытаясь угадать, кто же из них Тамара, о которой сын прожужжал ей все уши.

Андрей словно ждал этого вопроса. Он, улыбаясь, быстро подошел к Тамаре и затараторил как по-писаному:

— Дорогая Тамара! — (С такими словами сибирские мальчишки никогда не обращались к девочкам. Это было слишком по-взрослому и чересчур интимно.)

— Дорогая Тамара, — бойко начал Андрей, зыряка оливковыми глазами по партам, — вот, мол, как я разговариваю с москвичкой. — Цветы эти я дарю тебе в знаменательный праздник! Желаю учиться только на пятерки и быть веселой. Я написал стихи. Они в конверте. Прочитаешь дома... — многозначительно закончил Смолин.

Тамара сидела, опустив голову. Уши пламенели лепестками пионов, и, казалось, от них вот-вот вспыхнут ее красивые волосы.

Побледневшая Галя мяла концы пионерского галстука.

Шамиль окаменело смотрел на Тамару и ждал, как она поступит с букетом, который держал в руках Андрей.

— Тамара, встаньте, дайте я хоть взгляну на вас, — нарушила вязкую тишину Ия Соломоновна. Тамара вышла из-за парты, одернула платье, испепеляюще взглянула на Смолина и почти вырвала из его рук сказочно красивый, благоухающий весенним солнцем букет. Подошла к столу, презрительно измерила по-детски чистыми глазами упитанную, самодовольную женщину и, волнуясь, сказала:

— Прасковья Филипповна, эти цветы Смолин обязан был преподнести вам... — Положила букет на стол и выбежала из класса.

Вздых облегчения легким шелестом прошел по классу.

— Странная девочка, — картавя сильнее обычного, пожала плечами Смолина. — А еще говорят, она москвичка!

— Чего стоишь, цветовод? — процедила сквозь зубы Галя. — Иди на свою парту.

Тягостную обстановку разрядила учительница. Она поблагодарила Ию Соломоновну за цветы, вспомнила людей, выращивших в Тайшете зимой такое чудо.

— А теперь, дети, продолжим урок. И так уж много времени потеряли... Это значило, что Смолина должна покинуть класс.

Весна 1942 года напористо вступала в свои права. Слепленный днем яркими лучами солнца снег к вечеру становился синюшно-пористым, хрустко оседал, вздыхая, как старый недужный человек.

Склоны горы Грибановки, что неподалеку от шпалозавода, скинули снег и украсились ранними подснежниками, издали похожими на только что вылупившихся цыплят.

Шамиль от Гали узнал, что 13 апреля — через день — Тамаре исполняется пятнадцать лет. Парнишка ломал голову, что же подарить соседке на день рождения?

Ведь он никогда никому, тем более девочке, ничего не дарил на день рождения. Он даже никакого понятия не имел об этом. Одно дело, оказыва-

ется, всем классом на праздники дарить девочкам подарки. И почти неразрешимая задача — что-то подарить девочке в день рождения...

И какой девочке! При одной мысли о ней Шамилю становится так легко и хорошо на душе, что он готов совершить самые смелые, добрые поступки, лишь бы об этом знала его серьезная соседка. День рождения той девочки, с которой он, взявшись за руки, идет в школу и боится потаенно, что это счастье может вдруг кончиться и тогда — что же он будет делать? Шамиль уже уверенно и точно знает, что никакая другая девочка никогда так понравится ему не сможет, как его соседка...

Когда остался день до волнующей даты (а он так ничего и не надумал и не знал, как преподнести подарок, что сказать!), Шамиль, смущаясь, стыдясь неизвестно чего, перешагнул невидимую стену целомудрия и светлой духовности, данную человеку Всевышним, и за советом-помощью обратился к матери. Долго и бессвязно рассказывая о девочке, эвакуированной из Москвы, о том, как она хорошо учится, не воображая, как некоторые, Шамиль наконец промолвил, что послезавтра Тамаре исполняется пятнадцать лет...

Тетушка Шамшура очень серьезно выслушала сына и сказала:

— Она хорошая девочка. Видно, из хорошей семьи. Я так понимаю, сынок, ты хочешь ей подарок сделать?

— Ага, — опустил глаза, краснея, ответил Шамиль.

— У русских это принято... И ты сделай, чтоб ей было приятно. Если б не война, можно бы баурсак сделать, на чай пригласить, какую-нибудь вещь подарить... — Мать сделала вид, что не замечает смущение сына, хотя в душе радехонька была, что Шамиль совестливый.

— Цветы можно? — вспомнил, какие букеты принесли в класс Смолины на 8 марта.

— Городские, они любят цветы, сынок. Но где их сейчас найдешь?

— Подснежники, наверно, уже появились?

— Хорошо бы... Большой ты у меня стал, — вздохнув поцеловала сына в лоб старая башкирка.

13 апреля после школы, бросив сумку на топчан, Шамиль бегом выскочил на улицу. Повизгивая и норовя лизнуть в лицо хозяина, за ним увязалась рыжая Дамка. Парнишка доставил лайке удовольствие — разрешил поцеловать себя. Дамка подпрыгнула, словно полотенцем, обтерла парнишку горячим языком и, довольная, побежала впереди, кренделем задрал хвост.

Подножье Грибановки местами успело покрыться заплатками прошлогодней травы, из-под которой цыплячьими выводками желтели подснежники с детскую ладонь. Впервые в жизни от увиденных первых цветов у Шамиля учащенно забилося сердце. Ведь впервые в жизни он специально пришел в тайгу за цветами, чтобы нарвать их девочке, которая нравится ему до умопомрачения, и стоит вспомнить о ней, как ему сразу становится радостно и легко на сердце. Кажется, если бы у него были крылья, он парил бы над землей, а потом рассказывал бы девочке, какая Земля красивая!

Пока Дамка мышковала неподалеку, Шамиль быстро нарвал большой букет подснежников. Его лицо сияло, когда он находил хорошо распустившийся цветок.

По пути домой парнишка боялся встретить кого-либо из ребят. Засмеют, если узнают, что он ходил в тайгу, чтобы собрать москвичке букет...

— Куда ж ты столько цветов нарвал? — строго спросила мать. — Вот скажи, когда сахар вкуснее, когда его мало или много? — Коричневые глаза тетушки Шамшуры лукаво-весело пытали сына.

— Кто ж, мама, этого не знает! — посмотрел на мать Шамиль. — Конечно, мама, сахар сладок, когда его мало. А то ты не знаешь.

— Верно, утенок мой, — так же иронично продолжала тетушка Шамшура. — Вот и цветы — в охалке они теряют свою красоту. Оставь дома вялые, мятые цветы. Сначала поздравь девочку с днем рождения, пожелай здоровья, хорошей учебы, счастья... А потом...

Сын не дослушал, радостно крикнул:

— Знаю-знаю! — С букетом выбежал за ворота. Дамка опять увязалась за хозяином.

Шамиль пересек улицу быстренько, посмотрев по сторонам — нет ли знакомых, и не особенно решительно подошел к дому Коноваловых. Трижды по-разбойничьи свистнул и опять настороженно завертел головой. В поддержку хозяина собака тоже трижды гавкнула.

Вскоре появилась Тамара в наброшенном на плечики пуховом платке. Такой красивой и даже повзрослевшей Шамиль видел ее впервые. Он хотел сказать, как она дивно красива, но испугался. Думал, так говорить позволяют себе только взрослые.

— Что случилось? — озорно спросила девочка.

— Ничего, — пряча за спину цветы, небрежно сказал он.

— Какой-то ты, Шамиль, сегодня странный, — поглаживая собаку, произнесла Тамара, а у самой глаза-черемушки так сверкали веселостью, точно она догадывалась, зачем и с чем пришел парнишка. От этого Шамилю становилось до жути неловко, и он чувствовал себя так же скованно, как в первый раз, когда учил москвичку закрывать калитку.

— Знаешь, Тамара... (Зачем я маму не дослушал? — казнил себя Шамиль.) Я пришел поздравить тебя с днем рождения... — одним духом выпалил парнишка и запнулся. Рука с букетом буквально окаменела за спиной.

— Спасибо. Но как ты узнал? — улыбалась девочка, не скрывая радости.

— Галка сказала. Тебе вот цветы... — наконец с огромным усилием Шамиль вытащил из-за спины руку. — Учись хорошо... Мама здоровья желает... Счастья, — как в бреду лепетал мальчишка и вертел по сторонам головой — нет ли кого поблизости. И тут Дамка изловчилась и лизнула девочку в лицо.

Тамара ойкнула от неожиданности и погладила собаку.

— Как тебе не стыдно? — приструнил Дамку Шамиль, боясь, что соседка напугается.

— Она хорошая! Некусучая? — погладила лайку Тамара. — Как ты угадал, что я цветы люблю?

Глаза девочки сияли радостью.

Такое выражение лица соседки Шамиль видел впервые, и он чуть не сказал: “Тамара, а ты, оказывается, красивая...” — подумал и перепугался до озноба — как бы девочка не догадалась о его мыслях.

— Шамиль, я очень люблю цветы! — поглаживая пальчиками ворсистые лепестки подснежников, неожиданно сказала девочка. — Они пахнут первым снегом...

— А то! Они же из-под снега...

— Папа всегда дарил мне цветы на день рождения.

— Они красивше были? — ревниво-смущенно спросил парнишка.

— Что ты! — отмахнулась девочка. — Может, не поверишь, но лучше этих цветов мне никогда не дарили. Честное пионерское...

И Тамара, оглянувшись по сторонам, неожиданно поцеловала Шамиля то ли в щеку, то ли в уголок губы. Увидела широко раскрытые в изумлении зеленоватые глаза, в которых застыл таинственно-счастливый вопрос, и помчалась домой. За ней припустила лайка. Шамиль смотрел вслед девочке, не в силах осмыслить, что же между ними сейчас произошло.

В спешке девочка долго не могла открыть калитку — мешала прыгающая на грудь развеселившаяся Дамка и сползающий с плеч оренбургский платок. Наконец калитка подалась, Тамара обернулась, счастливо махнула букетом и юркнула во двор. Собака, повизгивая, просительны заскребла лапами по калитке...

Он обостренно-живо воспринимал все, что творилась в тот день вокруг него. Он словно впервые услышал звонкое чириканье переживших студеную зиму воробьев, от радости драчливо купавшихся в первых снежных лужницах.

Скрипучее верещание модно-фасонистых сорок на заплотах казалось всамделишным разносчиком счастья и добра по дворам.

Коровы, мычавшие, как испорченные трубы духовых инструментов, умоляя хозяев выпустить их на пастбища, казались необыкновенно музыкальными предвестниками весны.

Даже лайка вела себя необычно покладисто, точно чувствовала настроение хозяина. Шамиль влетел во двор словно на крыльях.

— Вижу, понравились цветы, сынок, — заметила мать, пристально всматриваясь в лицо сына.

— А то! — И чуть не ляпнул, что соседская девочка поцеловала его то ли в щеку, то ли в губы. Да и важно ли куда?!

— Ну и слава Аллаху! Хуш она и москвичка, однако славная. Видно, хорошей будет хозяйкой... — как-то отвлеченно сказал старшая башкирка. — Она принесет счастье мужу...

Тетушка Шамшура оказалась провидицей.